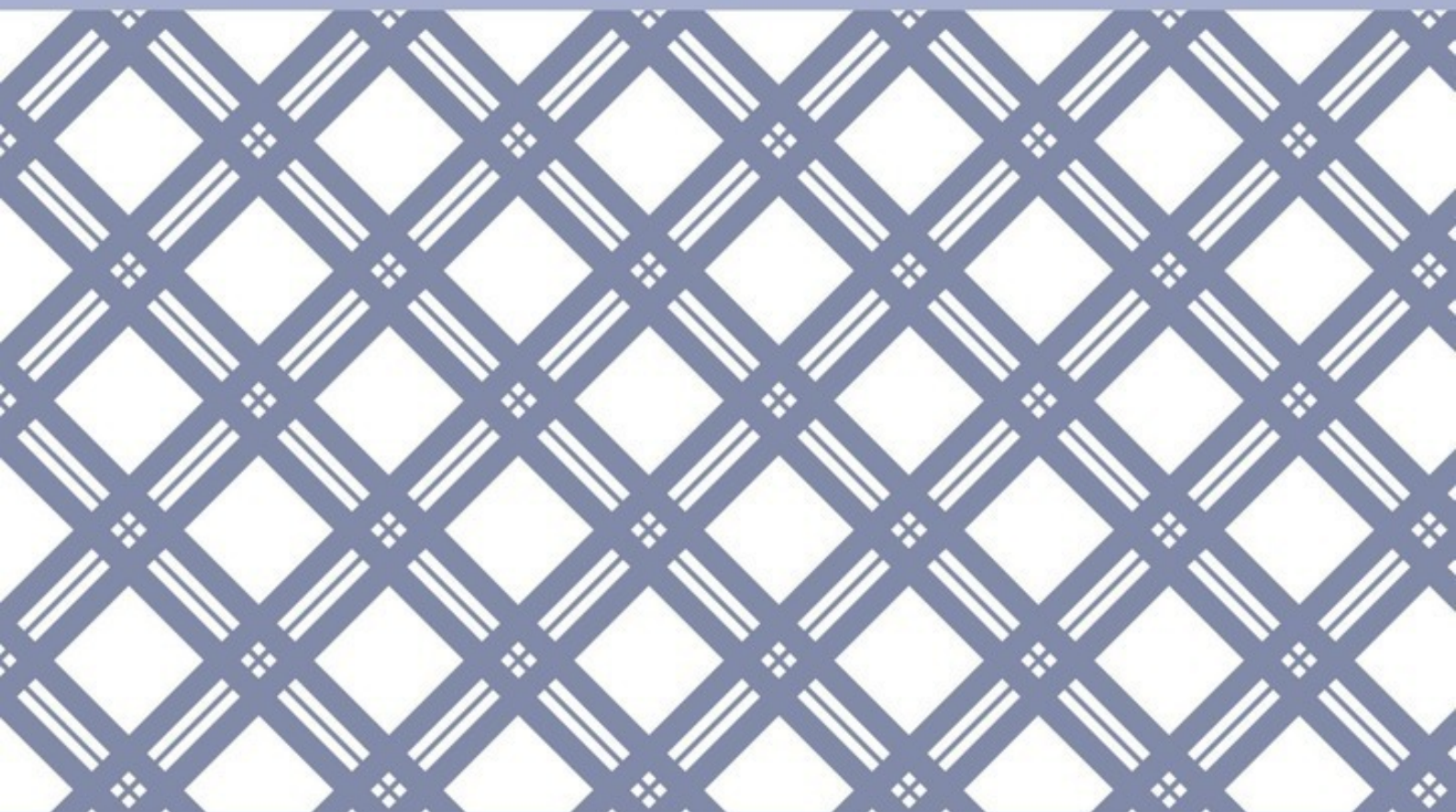

В. Б. Ли

ГЕРОЙ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Книга 2. Рождение империи

В. Б. Ли

**Герой смутного времени.
Книга 2. Рождение империи**

«Издательские решения»

Ли В. Б.

Герой смутного времени. Книга 2. Рождение империи /
В. Б. Ли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856011-8

Продолжение истории попаданца в Михаила Скопина-Шуйского. Новые
свершения и подвиги в годину испытаний, войны со всем европейским миром.

ISBN 978-5-44-856011-8

© Ли В. Б.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Воспоминания попаданца	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Герой смутного времени

Книга 2. Рождение империи

В. Б. Ли

© В. Б. Ли, 2017

ISBN 978-5-4485-6011-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Воспоминания попаданца

Началась эта история в далеком (от моего нынешнего времени) 2016 году, когда я в прекрасный майский день отдыхал на даче в Каменском плато у подножья Заилийского Алатау. Вечером после ужина принялся за чтение исторической книжки о малоизвестном герое Смутного времени Михаиле Скопине-Шуйском, увлекся, прочитал на одном дыхании. История молодого полководца, совсем юного для государственного мужа возраста, захватила меня, продолжал думать о ней, засыпая. Во сне совершенно непонятным мне образом перенесся в моего героя, умирающего после отравления недругами, в апрель 1610 года. То провидение, которое перенесло мой разум и сознание в Михаила, не позволило погибнуть ему. Я в теле и с подсознанием молодого боярина выжил, оказавшись в самую трудную и трагическую пору в истории Русского государства – лихолетье Смутного времени.

Подмену личности в Михаиле никто не заподозрил, даже самые близкие – жена Сашенька и матушка Елена (Алена) Петровна, только молча поражались происшедшим переменам. По видимому, смиренно приняли, все от Господа, по его наущению, мог забрать к себе, но смиловился, вернул им, пусть и в чем-то изменившимся. В немалой мере помогла мне освоиться в новой жизни наведенная во сне память реципиента, а также его навыки и умения, оставшиеся в подкорке прежнего сознания. В новом моем облиции удивительным образом сложился симбиоз двух личностей, меня, 44-летнего инженера из 21 века, и 24-летнего боярина и воеводы начала 17 века, сошлись воедино знания и воинские таланты Михаила и мой аналитический ум, здравый рационализм, не отягощенный какими-либо предрассудками, присущими прежде ему владельцу тела.

Моя ратная судьба началась с похода к осажденному поляками и запорожскими казаками Смоленску во главе тридцатипяти тысячного войска. На пути к нему встретил семитысячный отряд коронного (польского) гетмана Станислава Жолкевского, в прошлой истории он нанес разгромное поражение русскому воинству, многократно превосходящему по численности, под командованием бездарного и трусливого Дмитрия Шуйского, родного брата нынешнего царя Василия Шуйского. Это поражение тогда привело к свержению царя и последующему лихолетью, самой трагическому в Смутное время, Московская Русь попала под кабалу Речи Посполитой. Сейчас же, воспользовавшись своими знаниями об этой битве, сам устроил ловушку полякам, заманил их в подготовленный лагерь, в нем наше войско почти полностью уничтожило вражеский отряд, самого гетмана взяли в плен.

Не почивая на лаврах после выигранного сражения, уже поменявшим историю в этом мире, скорым маршем дошли до героического Смоленска. Его защитники с воеводой Михаилом Шеиным стойко оборонялись от многочисленных штурмов неприятеля, стали для всей страны, измученной изменами и брожением, стягом верности своему долгу. Неподалеку от города произошла битва нашего воинства с армией короля Речи Посполитой Сигизмунда III, завершившаяся безоговорочной победой русского духа и оружия, король бежал, бросив остатки своего войска. В этой битве нами были впервые применены новые тактические приемы, внесшие решающий перевес над противником – линейный строй пехоты вместо привычного в это время построения в каре, массированное давление на наиболее сильный участок обороны врага, перемалывание его резервов, а потом неожиданный улар по оголенному участку, еще некоторые тактические новинки. Новые методы я усвоил как из памяти Михаила, живо интересовавшимся воинским искусством лучших армий мира, так из своих познаний в исторических книгах.

После разгрома основного войска неприятеля принялись за очистку остальных земель, занятых польскими интервентами и их прислужниками – запорожскими казаками, заодно навели какой-то порядок в бунтарском краю, «северской вольнице», отсюда шли на Москву

самозванцы – Лжедмитрии. Справившись с поставленными целями, не стал возвращаться в Москву, где меня окружали могущественные недруги, начиная с самого царя, уже раз пытавшиеся погубить меня. Всем им я оказался не нужен, после снятия угрозы от Речи Посполитов, даже опасен, меня и моих сподвижников ожидала верная гибель. После долгих и тщательных раздумий принял решение самому вступить в царствование, подавить врагов и Смуту, вывести отчизну из разрухи и раздора. Но не стал, подобно самозванцам, поднимать мятеж и идти войной, избрал мирный путь через всенародное избрание на Земском соборе.

Начал активную выборную компанию, пользуясь политтехнологиями своего прежнего мира. Мои соратники (командиры и воины армии, вставшие дружно за меня), союзники из разных земель и сословий вели широкую пропаганду моих намерений и планов, обещали процветание страны с таким государем, вербовали новых сторонников и сподвижников, да и моя слава победителя иноземных захватчиков привлекала многих. Сам я объездил всю страну, встречался с воеводами, боярами, церковными пастырями, именитыми купцами и мастерами, находил с ними общий язык и интересы, компромиссы. Заручился поддержкой патриарха Гермогена, убедил его, что я выведу страну из Смуты, принесу многострадальному народу мир и благое будущее.

Результат оказался закономерным, Собор единогласно, а иначе не допускалось, избрал меня на царствование, низложив Василия Шуйского как государственного преступника. Первым моим шагом стал узаконенный Собором суд над своими именитыми врагами, замешанными в убийстве государя Дмитрия Ивановича (известного как Лжедмитрий I или Гришка Отрепьев). Кого-то лишил жизни и свободы, многих недругов сослал в Сибирь, Василий Шуйский и его невестка, моя отравительница Екатерина Шуйская, дочь Малюты Скуратова, под угрозой вечного заточения в темнице приняли постриг в монахи. После я организовал свою Тайную службу, взял под контроль всю государственную систему, от Думы и приказов до местных правлений, через новый Земской собор лишил Думу и бояр особых привилегий и полномочий, вся власть в стране перешла в мои руки.

Полностью поменял государственную систему, вместо Боярской думы и приказов ввел Государственную думу и Управы с четко оговоренными функциями и полномочиями, назначил на высшие государственные посты своих сподвижников, вместе с новым госаппаратом стал проводить реформы, круто меняющие замшелые порядки и устои, как пути, не дававшие стране идти и развиваться. Упразднил боярство, ввел новое сословие – однодворцев, отменил наследные привилегии, каждый дворянин должен служить стране, а не пользоваться заслугами своих предков.

Также отменил закрепощение крестьянства, введенное Шуйским своим соборным уложением, дал крестьянам право выкупа. Серьезные перемены проводились в армии, селе, торговле, мануфактурах и мастерских, новых заводах, поменяли налоговое обложение, давали ссуды в освоение новых производств, а также земельных наделов в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири. Провели секуляризацию монастырей, их земли и собственность перешли в казну, здесь неоценимую помощь оказал патриарх Гермоген, вынудил иерархов церкви поступиться корыстными интересами.

Эти и еще многие реформы позволили стране выйти из полной разрухи, в которой мы начинали свой путь, к 1617 году полностью преодолели последствия Смуты, страна крепко встала на ноги. Успех дался нам большим трудом, встречали яростное сопротивление противников, а также пассивность значительной части общества, пришлось буквально тянуть упирающийся народ, вынуждая его всякими мерами принять новое. На меня и моих соратников не раз совершались покушения, устраивались заговоры и мятежи. Мы их решительно подавили, в то же время соблюдая законность, берегли невинных.

Полностью обновили армию, распустили стрельцов, ополчение, сформировали и обучили полки нового строя. Заменили фитильные мушкеты на совершенно новые, во многих

армиях широко не применяемые кремневые ружья с большей дальностью и точностью поражения, скорострельностью, создали патроны для них, освоили широкое производство пороха, полностью обеспечившее нужды армии. В артиллерии отказались от орудий с бронзовыми стволами, перешли на чугунные с картузным припасом, давшие нашей армии подавляющее огневое преимущество. Все достигнутое позволило нам перейти к исполнению давно лелеяемой мечты, вернуть России ее исконные земли на западе и севере, занятые Речью Посполитою и Шведским королевством, начать освободительную войну.

В июне 1618 года тремя армиями по ширине фронта от псковских земель до южных рубежей в Диком поле начали наступление против Речи Посполитою. Воспользовались начавшейся в Европе Тридцатилетней войной между странами Священной Римской империи, сторонниками Габсбургкой династии и противостоящей ей Евангелической унии, разгоревшейся на религиозной почве, вражде католиков против протестантов. Им сейчас не до далекой Московии, заняты разборками между собой, на помощь нашему противнику не придут. Освободительную кампанию в Малороссии, как мы называли наши западные земли, планировали провести за три года, но справились скорее, в первый же год нанесли сокрушительное поражение регулярному литовско-польскому войску в битвах под Полоцком и Могилевом, полностью уничтожили его лучшие части – «крылатых гусар».

В этих битвах мы применили как линейный строй пехоты, так и выдвинутые вперед редуты, как волноломы, разбившие вал наступающего врага. Сказалась лучшая выучка наших полков, стрелковое и артиллерийское вооружение, в течении одного сезона разбили одну из лучших армий Европы. На второй год довершили разгром оставшихся сил Речи Посполитою на нашем фронте, а после заняли все исконно русские земли, от Полоцка и Вильно до Бреста и Ужгорода. На освобожденной территории ввели законы и порядки Русского царства, подавили сопротивление пропольской знати и других противников нашего правления, организовали переселение на эти земли крестьян и охочих людей из центральных губерний. В течении двух лет Малороссия влилась в общую жизнь крепнущего на глазах государства.

На юго-западе наших новых губерний произошли столкновения с администрацией и вооруженными силами Османской империи, притязающей на эти земли, вылившиеся в полномасштабную войну между двумя государствами. В мае 1620 года под Яссами в Молдавии произошла решающая битва между османским войском численностью 75000 человек и нашими армиями в составе 50000 воинов. Как и с поляками, применили неизвестные противнику тактические построения и вооружение, в трехдневных сражениях практически полностью уничтожили османское войско. Не стали идти дальше на запад, в славянские провинции империи – Румынию, Болгарию, Словакию, Сербию, Хорватию, как просили гонцы оттуда, нам геморрой на Балканах с такими «братьями» не нужен. Повернули на юг и восток, взяли северное Причерноморье, направились в Дикое поле и Крым.

В Запорожье к нам присоединились казаки во главе с гетманом Сагайдачным, моим старым знакомым, воевал против нас под Смоленском десять лет назад. Сейчас он принес клятву верности, я с осторожностью, но все же принял его с запорожцами, еще теми разбойниками, клейма некуда ставить. Я дал приказ всему войску полностью прочесать степь, выловить всех татар-ногайцев и выставить вон из нашей страны. Такой геноцид посчитал нужным из печальной истории вековых нападений степняков на русские земля, которые жгли города и селения, убивали мирный люд, тысячами угоняли в рабство. К мирной жизни они неспособны, живут только набегами, жестокость впиталась в их кровь. В течении двух месяцев прошли степь от края до края, остановились по рубежу реки Кубань перед Кавказскими горами, изловили и отправили в османские провинции около 70000 татар.

На этом рубеже вдоль берега бурной реки построили сплошную кордонную линию с опорными пунктами и заставами для охраны от нападений диких горцев. После повернули на юг, в Крым. В недолгой осаде взяли Перекоп, защитный вал с крепостями на перешейке, разо-

шлись фронтом по всей ширине полуострова, до ноября разбили татарское войско, заняли все города Крыма, кроме южного побережья, отделенного Крымскими горами и принадлежащего османам. Оставили здесь одну армию для завоевания в следующем году южной части и обороны всего Крым от нападения осман. Здесь же в последующие годы поставили верфи, постепенно создали Черноморский флот, противостоящий на море могущественному флоту Османской империи, крупнейшему в мире.

На занятые земли в Диком поле и Крыме организовали массовое переселение людей из центральных и восточных губерний, а также из славянских княжеств и провинций, находящихся под пятой Порты. Для этого наши западные войска вошли на их земли, выбили османские гарнизоны и части, в течении года удерживали в своих руках, пока добровольцы-переселенцы не выехали со скарбом в осваиваемые наши районы, никого насильно к себе не сгоняли. К нам перешли свыше двух миллионов сербов, болгар, боснийцев, румынов, словаков, хорватов. Постарались создать переселенцам нужные условия для обустройства и зимования в степи, завезли лес, строительные материалы, инструменты, продовольствие, нашли им временный приют.

В последующие два года освободили северные земли, вышли в Балтику, разгромили сильнейшую в Европе шведскую армию, полностью разграбили, до нитки, Шведское королевство. Захватили его немалый флот, ставший основой наших Балтийских морских сил, пока на воссозданных северных верфях не выстроили свои корабли. В 1625 году все наши экспансивные планы реализовались в полной мере, сверх того, разбили объединенную армию европейских стран, оставивших в сторону свои распри и решивших примерно наказать русского медведя из дикого Востока. В битвах подо Львовом и Гродно мы наголову разбили 115-тысячное войско Священной Римской империи, на Балтике разгромили флот северных стран из 500 боевых кораблей с экспедиционным корпусом, вдвое большим, чем у нас.

Мы применили на море ту же тактику линейного строя, только для кораблей, вместо редутов – мощные крепости, вооруженные новыми дальнобойными пушками со специальным угломерным прицелом – квадрантом, тоже нашим нововведением. Уничтожили и захватили почти половину неприятельских судов, в последующих столкновениях в открытом море наши моряки не уходили от боя, вступали в единоборство, получили превосходный опыт морских сражений. Он позволил им уверенно одерживать победы над вражеским флотом даже без прикрытия крепостей, как было в первых сражениях, наш флот стал на равных с лучшими флотами мира – английским, французским, испанским.

В наступившей мирной жизни приступили к реализации новых планов – всеобщему образованию, зарождению и подъему своей науки, новой техники, строительству дорог и каналов, других проектов. Во многом мы начинали с чистого листа, на пустом месте, каждый шаг давался большим трудом, к тому же постепенно созрело и вылилось в открытые конфликты неприятие немалой части людей в присоединенных землях новых порядков, нашей морали, сказались и идеологические диверсии недругов из Европы. Но, преодолевая все трудности, наша страна стремительно шла в мировые лидеры не только в военном отношении, но и по многим другим направлениям.

Глава 1

– Государь, к Вам Иван Тарасович. Звать его? – стоящий в дверях секретарь вопросительно смотрел на меня.

Я отвлёкся от отчёта нового министра образования и науки, отложил его в сторону, затем ответил:

– Да, Степан, пригласи.

Внеурочный приход министра иностранных дел внес некоторое беспокойство, Грамотин без особой нужды не стал бы беспокоить меня. Вошедший через минуту министр поклонился мне, я пригласил его за стол.

– Что случилось, Иван Тарасович? – без долгих слов я перешел к делу.

– Донесение от нашего посла из Парижа, Государь, – ответил Грамотин, – готовится сговор Франции, Англии и Голландии о вступлении в войну против нас. К ним готовы присоединиться Австрия и вся Габсбургская коалиция.

– Вот же им неймется, – от досады вырвалось у меня, – не в наука им пошла прошлая война. Когда же они собираются выступать и какими силами?

– Весной следующего года, Государь. О всем неприятельском войске пока неизвестно, только о французском и английском, в каждом будет не менее 50000 человек, да голландцы выставят 30000 ратников. Ими также готовится флот численностью больше прежнего, около 700 кораблей, среди них 50 линейных кораблей. От Империи можно ожидать еще 100-тысячное войско.

– Серьезные силы, – признаю я. – Вот что, Иван Тарасович, через неделю я назначу совещание, подготовь подробный доклад с раскладом сил неприятеля. Обсудим вместе планы на случай войны со всей Европой.

– Слушаюсь, Государь, исполню.

Не так просто перестроиться с благодушного настроения, первый мирно прошедший год после десятилетия войн и сражений, недавние торжества к моему 40-летию как-то расслабили меня, размягчили прежний боевой настрой. День прошел в раздумьях о предстоящей войне, другие заботы ушли на второй план. Я принимал людей, решал какие-то вопросы механически, они проходили мимо моего внимания, пока не встряхнул себя, заставил сосредоточиться. Вызвал председателя Госдумы, военного министра, начальников Генерального штаба и разведслужбы, сообщил им о переданной Грамотиным новости, дал указание подготовить свои предложения по мобилизации страны к будущим событиям. После, уже в своих покоях, постарался отвлечься от новых забот, общался с Сашенькой и детьми с прежним вниманием к ним, не давая повода для беспокойства.

На совещание я вызвал всю Государственную думу, руководство военного министерства и Генерального штаба, командующих армиями. Первым дал слово Грамотину, он выступил с подробным докладом о противостоящем нам лагере, практически в войну с нами вступает вся Европа, прямо или косвенно. Враждующие между собой группировки временно оставили в сторону свои распри, объединились против общего врага, коим представляется Русское царство. Страх перед нами перевесил взаимные обиды, межгосударственные и религиозные раздоры, общими силами, многократно превышающими наши возможности, Европа решила раздавить русского медведя в его берлоге. Ситуация для нас складывается чрезвычайно сложная, мы можем победить в одном сражении, в другом, но перебороть всех просто невозможно.

По численности населения, экономическому потенциалу, совместной военной мощи европейский союз имеет более чем десятикратное преимущество, он просто возьмет нас на измор, истощив все наши ресурсы, пусть и немалые. Найти мирный компромисс, пойти на какие-то уступки уже невозможно, враг не успокоится, пока не изведет нас под корень. Это

понятно всем присутствующим на заседании, на лицах застыло тревожное внимание и напряжение в поисках приемлемого выхода. Нужен какой-то фактор, довод, способный остановить закусившего удила противника. После Грамотина выслушали Головина, Барятинского, Хворостинина, они доложили свои планы подготовки страны и армии, но главный вопрос так и остался без ответа, как предотвратить саму войну.

Какое-то возможное решение подсказал самый молодой командующий – Михаил Трубецкой, эмоционально выразившийся при обсуждении возможных мер против врага: – Чуму на их голову!

В Престольной палате, где проходило совещание, застыло молчание, эти слова прозвучали кошунством после прошлогодней эпидемии, унесшей сотни тысяч жизней. Меня же они на интуитивном уровне подтолкнули к забрезжившей мысли, но стоило мне напрячься, пытаясь ухватить ее, как она выскользнула, пропала. Через мгновение вновь промелькнула, а потом встала перед глазами в ясном виде – ОВ, отравляющие вещества, химическое оружие массового поражения из прошлой жизни. И первое, что приходит в голову – хлор и производный от него фосген. Наши химики уже научились их получать для лабораторных целей, но, думаю, можно в самом скором времени запустить их промышленное производство, а затем в максимально безопасных условиях синтезировать до боевой консистенции. Только надо продумать технологию производства, хранения и применения оружия, ставлю в своих первоочередных планах встречу с учеными.

Отвлекся от мыслей тихим гомоном сидящих на лавках мужей, они ждали, когда я продолжу совет. Не стал оглашать свои рассуждения, еще не время, подвел итог совещания, каждый получил свое задание. В ближайшие дни встретился с химиками, сам побывал в их лабораториях. Ученые в целом подтвердили возможность масштабного производства требуемых веществ, но тут же высказали сомнение в сроках, по их мнению, понадобится несколько лет из-за сложности технологического процесса, в мире нет даже промышленного оборудования для их получения, да и с нужными компонентами, сырьем большие трудности. Пока в лабораториях имеющихся готовых веществ, особенно фосгена, ничтожный мизер, счет идет в граммах, а нужны десятки тонн, если дело дойдет до массового их применения. Другого пути я не знаю, придется совершить невозможное, но мы должны получить свое оружие, способное остановить врага. Даю ученым задание, обещаю любую помощь, но задача должна быть решена в самое скорое время, каждый день промедления принесет новые жертвы в наступающей войне.

Страна готовилась к войне, мы не стали скрывать от народа планируемое недругами вторжение. Во всех городах и селениях провели собрания местного люда, агитаторы обличали гнусные планы Запада поработить Россию, низвести народ до положения безмолвного скота. Их слова встречали горячий отклик большинства населения, они ясно осознавали, что их растущее с каждым годом благосостояние и гордость за свою отчизну ставились под угрозу иноземными врагами. Полные решимости отстоять свой дом и семью, а вместе и страну, люди записывались в ополчение, учились на сборах, проводимых каждое воскресенье, науке воевать. Но хватало и отщепенцев, тайных пособников неприятеля, сеявших слухи о неизменном поражении русской армии, обеливавших намерения иноземных «освободителей от гнета Москвы». Таких оказалось немало в западных губерниях, особенно в Галиции, Прикарпатье, прибалтийских землях – Курляндии, Лифляндии и Эстляндии.

Проводимые не раз зачистки от враждебных сил не давали радикального результата, проходило время и вновь прорастали сорняки измены и смуты. Принял трудное решение, могущее вызвать мятежи и бунты, о депортации всего коренного населения самых проблемных земель в Сибирь. Готовили ее как войсковую операцию, заранее ввели войска, взяли под полный контроль все города, села и хутора, перекрыли дороги и проселки. Ранней весной в указанный циркуляром день особо уполномоченные управления безопасности совместно с местным руководством приступили к нейтрализации и выселению жителей по заранее подготовленным

спискам. Любое сопротивление подавлялось жестко, вплоть до расстрела вставших на пути с оружием. Попытки бежать пресекали предупредительным огнем, а затем на поражение, если беглец не останавливался. За неделю выселили более миллиона человек, еще несколько месяцев по дорогам центральной России и Сибири шли этапом ссыльные, немало их погибло, не выдержав лишений и болезней.

В других западных губерниях вспыхнули мятежи, инсургенты в здешних краях не стали дожидаться, когда черед придет к ним. Они организовались в вооруженные отряды, по тайным путям из сопредельного недружественного государства получили оружие и боеприпасы, а потом подняли всех недовольных нашей властью. Вначале одиночные выступления вскоре переросли в повсеместные и массовые акции неповиновения, как мирного характера, так и прямыми вооруженными нападениями на органы местной власти, гарнизоны городов и крупных поселений. Мы ожидали подобной реакции в этих беспокойных землях, заранее ввели войска и особые отряды полиции, но сразу не стали подавлять очаги мятежа, дали созреть ему и нарваться, как гнойнику.

В начале мая, в самый разгар антиправительственных выступлений, приступили к операции тотального уничтожения вооруженных формирований и подавления сопротивления местного населения. В ней задействовали около пятидесяти тысяч бойцов регулярных частей, среди них и казачьих полков, пять тысяч полиции. По накалу боевых действий схватки с повстанцами не уступали войсковым операциям, счет потерям обеих сторон шел на десятки тысяч человек. Сложность нашим подразделениям представила активная помощь местных жителей бандам мятежников, они предупреждали о приближении карательных отрядов, снабжали продовольствием, укрывали в своих хуторах и селах. Да и сами могли взяться за оружие, днем с виду мирные поселяне, а ночью бандиты, нападающие на правительственные учреждения, воинские части.

В проведении карательной операции мы применили уже отработанную противопартизанскую тактику небольшими маневренными отрядами, поротную, даже повзводную разбивку частей при зачистке хуторов и небольших поселений, активную разведку, ловушки и засады. В тоже время полиция и особые отряды органов безопасности просеивали всех жителей мятежных земель, при достаточном основании о нелояльности выселяли семьями в Сибирь и Дикую степь. Вновь потянулись по дорогам этапы ссыльных, к ним добавились каторжники из взятых в плен бандитов, мы отправили их на флот, на наши гребные суда. К исходу мая покончили с основными силами мятежников, редкие оставшиеся банды затихли, спрятались по лесам и чащам, но тайные диверсии и нападения затаившихся врагов продолжались еще не один год.

Тем временем над страной нависла реальная угроза войны, на западных рубежах от Молдавии до Курляндии в течении мая шло сосредоточение войск противника. По сведениям службы разведки против нас выставили свои армии более 10 европейских держав, общая численность достигла 150-тысяч человек и продолжала расти. Наибольшую опасность представили хорошо вооруженные и обученные полки из Франции, Англии и Голландии, в меньшей степени, но тоже немалой, Австрийской коалиции. Мы мобилизовали, обучили в возможной мере 120 тысяч бойцов, из них треть составило ополчение. Еще с ранней весны принялись за укрепление прежней линии обороны, построили еще два эшелона, всего их стало пять на глубину пятьдесят верст. На направлениях предполагаемых ударов сосредоточили в редутах и бастионах дальнобойную артиллерию, а также многочисленные полевые батареи, по насыщению орудиями на каждую версту фронта достигли небывалой плотности.

Мой вариант предотвращения войны шантажом химическим оружием не удался, ученые не смогли даже близко подойти к решению задачи промышленного производства хлора и фосгена, сумели синтезировать в кустарных условиях только несколько килограммов отравляющих веществ. Я решил использовать это ничтожный для нашей цели запас максимально эффективно, вместе с директором департамента чрезвычайных операций (считай, диверсий)

службы разведки Судоплатовым (только не путать с Павлом Анатольевичем из гораздо поздних времен, но аналогия символичная) и его ближайшими сотрудниками проработали план сверхсекретной операции на территории главных противников. Я поставил им задачу уничтожения руководства этих стран и их семей имеющимися в наличии средствами, найти добровольцев на исполнение акций, по сути они становились смертниками.

Предложенные мною террористические акты беспрецедентные, по нынешним временам даже кощунственные, но я не собираюсь соблюдать какие-то правила, враг должен быть нейтрализован и уничтожен любым путем. Проработали список ключевых лиц, подлежащих ликвидации, от королей до серых кардиналов типа Ришелье, а также династических наследников. Конечной целью подобной операции стало внесение хаоса в высшем руководстве, когда внутренние разборки станут важнее войны с далекой Россией. Судоплатов проработал подробный ее план, после получения моего одобрения сформировал диверсионные группы из самых опытных и отчаянных бойцов. Они прошли занятий с химиками, отработали на полигонах, в конце апреля приступили к выполнению задания, перешли линию фронта и отправились окольными путями к местам назначения.

В середине июня 1627 года европейский союз начал войну против Российского государства, первой перешла в наступление 150-тысячная северная группировка из французского, английского, голландского и германского контингента, а через два дня и южная в составе армий Речи Посполитой, Австрийской коалиции численностью около 100-тысяч человек. Главный удар пришелся на участок фронта от Ковно до Гродно, также значительные силы противника наступали по Неману до Вильно на севере, Львову и Галичу на юге. Северная группировка начала штурм наших укреплений ранним утром мощным ударом дальнобойной артиллерии, наши канониры открыли по ней ответный огонь, пошла дуэль примерно равными силами. Канонада продолжалась весь день, в результате ни одна из сторон не получила заметного преимущества, потери оказались примерно равными.

Враг практически сравнял с землей всю нашу первую линию, почти полностью уничтожил гарнизоны и батареи редутов и бастионов, пока оставшиеся в живых воины не отступили во второй эшелон. Сам же он потерял почти треть своей артиллерии, в огневой мощи после первого дня сражения у нас сложился небольшой перевес. На следующий день артиллерийская перестрелка продолжилась, под прикрытием огня своих орудий пошла в атаку вражеская пехота. Подпустив их поближе, к первой линии нашей обороны, вначале открыли сметающий ряды противника огонь батареи, а после стрелковые части в редутах второго эшелона. Не выдержав «горячего приема», враг отступил, неся огромные потери от меткого огня нашего совершенного оружия. Артиллерия неприятеля возобновила стрельбу по нашему второму эшелону, стихшей во время штурма своей пехоты. После часовой его обработки орудиями враг снова бросил в атаку свои стрелковые части, но результат оказался прежним, ему пришлось отступить.

После недели боев нам пришлось отойти в третий эшелон, вторая линия после после многочисленных обстрелов разрушилась полностью, но встали на нем уже намертво, удержали еще в течении двух недель постоянных штурмов неприятеля. Все эти трудные недели, доставившим нам немало нервного напряжения, я находился со ставкой под Гродно, принимал сообщения от командующих армиями, вносил коррективы в складывающуюся стратегическую ситуацию, направлял резервы на наиболее сложные участки фронта. В целом расклад сил сложился для нас неплохой, ни на одном участке враг так и не смог прорвать нашу линию обороны. Потери у нас оказались немалыми, почти четверть, но противник понес гораздо большие, по предварительным сведениям, из 250-тысяч бойцов, начавших войну, у него сейчас в строю в лучшем случае осталось 150-тысяч. Особенно тяжело пострадала от нашего огня южная группировка, лишилась почти половины своего войска.

По разным каналам поступили первые сведения о действиях диверсионных групп, в Англии получил отравление, но выжил Карл I, погибли королева Генриетта Мария, фаворит короля герцог Бекингем. Почти одновременно прошла акция во Франции в Версале с большими жертвами как в королевской фамилии, так и среди придворных. Умерли в мучениях вся королевская семья, королева-мать Мария Медичи, принцы Николя и Гастон. Ришелье удалось выскользнуть из приготовленной ловушки, главный министр немедленно взялся за наведение порядка в стране, усмирение волнений, возникших после смерти основных претендентов из династии Бурбонов на освободившийся престол. Так что основной цели наши диверсии не достигли, ожидаемый хаос в управлении главными странами-противниками не наступил, война продолжалась. Утешало отчасти обстоятельство, что наше участие в этих диверсиях не обнаружили, боевые группы без потерь вернулись на родину.

На фронте настало затишье, противник подтягивал подкрепление, проводил передислокацию войск, меняя направление последующих ударов. Мы воспользовались временным расстройством боевых порядков неприятеля, провели несколько контрнаступательных операций, окружили и разгромили вдавшиеся в глубь нашей обороны соединения, выпрямили линию фронта. Но все эти успехи носили локальный характер, общая стратегическая инициатива оставалась на стороне врага, нам оставалось изматывать его силы в оборонительных сражениях. Подобная тактика противостояния войск продолжалась до самой осени, противник переносил удары на разные участки фронта, мы успевали отреагировать переброской резервов на самые опасные направления, отбивали бесконечные атаки пехоты и конницы, артиллерийские налеты. Война шла на измор, у кого дольше хватит ресурсов, здесь явный перевес был на стороне европейского союза, рано или поздно он скажется.

Подобная ситуация сложилась и на Балтике, гигантский военный флот коалиции заблокировал все наши порты, обстреливал из дальнобойных орудий линкоров прибрежные города и крепости, малые суда рыскали вдоль всего побережья, ища слабые места в обороне. Наши корабли оказались заперты в акватории портов и заливов, спасались только защитой крепостных орудий. Вражеские командующие хорошо усвоили прошлый урок, не подставляли корабли под огонь наших дальнобойных пушек. Сложилось патовое положение, русские корабли не могли выйти в море, но и противник не приближался к зоне поражения, ограничивался беспокоящим огнем. Иногда какой-нибудь смельчак выходил из общего строя, сигналами вымпелов вызывал на дуэль экипаж неприятеля, с молчаливого одобрения обеих сторон два корабля устраивали бой между собой. К ним подключались еще желающие пощекотать себе нервы, происходили уже групповые морские сражения. Чаще успех был на стороне более опытных моряков коалиции, но и наши не выглядели мальчиками для битья.

Требовалось радикальное средство для перелома противоборства в свою пользу, я не терял надежду на химическое оружие, постоянно следил за стараниями ученых в его создание. В их ведение передал лучшие мастерские и производства, самых толковых мастеров, все их заказы шли в первую очередь. И только к осени наметился сдвиг, на экспериментальной установке получили первую партию фосгена в десяток килограмм. После отработки процесса ученые сформировали требования к конструкции уже промышленной установки, конструктора принялись за его создание, следующим летом заработала первая линия поточного производства. После ее доводки запустили большой комбинат с тремя установками, счет продукции пошел на тонны. Параллельно испытали и построили специальное оборудование и склады для хранения, доставки опасного вещества, создали артиллерийские снаряды с его начинкой, на полигонах провели боевые стрельбы. К весне 1629 года столь нужное для победы оружие стало реальным, готовым для практического применения.

Но все это в будущем, а сейчас, осенью 1627 года, война шла своим чередом, боевые действия еще продолжались, но стороны готовились к зимней передышке, с наступлением дождей противник стал отводить основную часть войск с фронта, оставляя только заслон от нашего

контрнаступления. Мы также дали возможность отдохнуть регулярной армии, заменили ее на позициях запасными полками из резервистов, к ноябрю боевые столкновения прекратились. На совещании в Кремле, подводя итоги года, я и мои соратники посчитали сложившийся баланс сил оптимистичным. Армия не проиграла превосходящему противнику, напротив, нанесла ему вдвое больше потерь, чем понесла сама. Отстояла все наши земли, даже взяла вдающиеся на нашу территорию участки под Холмом и на Немане. Страна далеко не истощила своих ресурсов, сохранила уровень жизни населения. Стратегические запасы продовольствия, боевых припасов, других самых важных материалов не затронули, их расходы на фронте обеспечили текущим производством.

При подобном раскладе мы можем вести войну без особого напряжения ресурсов государства от пяти до десяти лет, учитывая возможное влияние других факторов, в первую очередь, патриотического настроения населения, его готовности отстаивать свою свободу до конца. Мы все уверены в стойкости русского народа, в присоединенных землях более проблемно. В планах на следующий год по моему настоянию оставили все наши долговременные проекты как задел на будущее, война не должна помешать им. Дополнительно дал задание ускорить создание нового оружия и боеприпасов, здесь особые перспективы в стрелковом вооружении, особенно нарезным, патронах, сейчас идут испытания новых капсул. Сделаны первые шаги к переходу от гладкоствольных чугунных орудий к стальным казнозарядным с нарезным стволом, замене ядер на унитарные снаряды разрывного и шрапнельного действия с воспламеняющим капсюлем. Мы должны идти впереди противника по огневой мощи оружия, тем самым сэкономим тысячи жизней своих бойцов.

Вместе обсудили предложенную мной новую систему набора в армию, вместо рекрутов на 15-летний срок призывать всех годных к воинской службе на три года, после ежегодно проводить им месячные учебные сборы. Много вопросов было мне задано, от организации учета призывников до порядка учебы в полках, кто-то осторожно начал, опасаясь, что всеобщий призыв может вызвать новые бунты. Объяснил, что нужна хорошо организованная компания по разъяснению нового порядка среди населения, люди должны понять и принять его. Он вводится для поднятия обороноспособности страны, каждый настоящий мужчина должен научиться науке воевать, чтобы встать на защиту родины и своего дома от многочисленных недругов. Решили вводить новый закон со следующего года, но уже сейчас заняться разъяснительной работой. Кроме указа о введении всеобщей воинской обязанности, я подписал еще другой, о создании во всех уездах военных комиссариатов, на ком будет учет призывников и проведение набора в армию.

Глава 2

В эту зиму произошло событие, внесшее смуту в мою душу, на свою беду или счастье, не знаю, чего же более, я влюбился как юнец, потерял покой и здравомыслие. Случилось оно на свадебном пиру у моего давнего соратника и друга Якова Барятинского, он женил старшего сына. На парадной лестнице хором встретил юную девицу, глянул в бездонные очи и утонул в них, позабыв обо всем окружающем. Я стоял застывший как пораженный молнией, не мог отвести глаза от прекрасного лика. Девица засмушалась от моего нескромного внимания, потупила взгляд, поклонилась и отправилась восвояси. Я же простоял еще какое-то время, пока не унял свои взбунтовавшиеся чувства немалым усилием воли.

Такое еще со мной не происходило, ни с Сашенькой, ни с другими женщинами и девицами, с которыми за свою жизнь в этом мире мне не раз довелось сходиться. Особыми узами верности я себя не обременял, если особа противоположного пола мне нравилась и была не против принять мое ухаживание, то не отказывал себе и партнерше в сладости соития. Сашенька догадывалась о моих похождениях, но относилась к ним терпимо, муж-повелитель вправе делать все, что угодно, тем более, что они никак не сказывались на моем отношении к ней и к детям, не отказывал им в ласках и заботе.

На пиру я больше не увидел похитительницу своего покоя, хотя постоянно искал ее глазами, спрашивать же хозяина о прекрасной незнакомке не стал, дабы не обидеть нескромным интересом к его домочадцам. Последующие дни не находил себе места, все валилось из рук, мои мысли витали вокруг неизвестной девицы. Многие попытки взять себя в руки только усугубили расстройство души, не мог спать и есть, насилу заставлял себя что-то делать. Не выдержал долго сердечных мук, на пятый день под вечер отправился в хоромы к своему другу.

Яков удивился моему неурочному приезду, мы только вчера с ним встречались по служебной надобности, но принял радушно, после обильного застолья пригласил в свой кабинет. Не стал лукавить своему старому другу, рассказал ему все как есть, что увидел в его хоромашках девицу и потерял свой покой. Барятинский слушал меня внимательно, сначала с участием, но когда понял, о ком идет речь, побледнел, помрачнел, сжал кулаки, а потом гневно спросил:

– Миша, ты хочешь, чтобы я отдал свою кровиночку тебе на похоть, лишил своими руками ее счастья? Не бывать этому! Делай со мной что хочешь, можешь казнить меня, но дочь на поругание не отдам!

Понимаю возмущение отца, борющегося за лучшую долю своей дочери, но и отказаться от своей нежданной любви не могу, отвечаю:

– Яков, нет у меня в помыслах нанести тебе и твоей дочери обиду и бесчестие. Но знай, без нее мне не жить, все думы и чаяния только о ней. Вот скажи, мой верный друг, как мне быть?

После напряженного раздумья, видному по его сосредоточенному лицу, Барятинский высказал:

– Только одно могу предложить, оставь свою прежнюю семью и женись на Оленьке. На то дозволение я тебе дам.

Настал черед мне серьезно задуматься. Мнение Якова разумно, но и оставлять свою семью тоже нельзя, она в моем сердце неотъемлемо. После непростых раздумий нашел соломоново решение:

– Яков, оставить семью без опеки я не могу, но можно по другому. Я похлопочу перед патриархом о расторжении брачного союза с Сашенькой и сочетании с Оленькой, но она с детьми останутся рядом. Я дам им в Кремле хоромы, мы же с Оленькой будем жить в теремном дворце. Приемлемо тебе такое решение, Яков?

Немного посомневавшись, Яков ответил согласием, но потом добавил, надо расспросить Оленьку, готова ли она принять мое предложение, неволить дочь он не будет. Так и поступили, хозяин отправил служку на женскую половину, вскоре в кабинет зашла моя ненаглядная. Как только она обратила взор на меня, прошлое наваждение вернулось с новой силой, я не мог отвести глаза в сторону, так и смотрел безотрывно на покрасневшую девушку. Яков дал мне возможность насмотреться на зазнобу, а потом сказал дочери:

– Оленька, государь Михаил Васильевич желает взять тебя замуж, пришлась ты ему по нраву. Готова ли ты принять великую честь, стать верной супругой государя, царицей земли русской?

Через долгие секунды слышу тихий ответ девушки, прозвучавший для меня сладкой музыкой:

– Да, батюшка.

Яков продолжил:

– Михаил Васильевич расторгнет брак с прежней супругой и сочетается с тобой. Но первая семья останется в Кремле, государь по прежнему будет навещать ее. Это тебе понятно, Оленька?

После такого же ответа, как и на первый вопрос, Барятинский отпустил дочь со словами:

– Ну, хорошо, Оленька, мы с Михаилом Васильевичем обсудим обо всем нужном к свадьбе, ты же иди к себе, —

потом, когда мы остались одни, высказался:

– Я рад, что отдаю дочь за тебя, Михаил. Думаю, Оленька принесет тебе счастья, душой она мила и заботлива. Ей уже исполнилось семнадцать лет. Многому училась, сметливая, с охоткой читает, я купил для нее немало книг. Когда, Михаил, думаешь решить с расторжением брака?

– В самом скором времени, Яков, мне самому нужно скорее. Завтра встречусь с патриархом, поговорю еще с Сашенькой. Разговор будет трудный, но уверен, мы с ней сладим.

Вскоре я распрощался с Барятинским и вернулся в Кремль, сразу направился в женские покои к супруге известить о предстоящих переменах, не стал откладывать непростой разговор. Сашенька расплакалась после моей вести, я постарался ее успокоить, между нами многое останется по прежнему, только она с дочками переселится в другие хоромы. В утешение приласкал жену, она отдалась мне с былым, давно уже позабытым за многие годы, жаром, как бы стараясь привязать меня своим женским искусом. Мы не спали почти всю ночь, одно соитие почти тут же сменялось следующим, так, обнявшись с Сашенькой, я впервые за последние ночи спокойно заснул, вымотанный без остатка, даже мысли о юной Оленьке оставили меня.

Патриарх Иоасаф не стал чинить мне препоны, дал свое дозволение, через день в XXXX храме расторгли мой первый брак. Почти каждый вечер проводил в хоромах Барятинского, виделся со своей милой. Она немного осмелела, мы общались в присутствии ее родителей, разговаривали на разные темы, я заметил ее живой ум и хорошо развитый кругозор. Ночью же успокаивал свою плоть, возбужденную случайными касаниями к руке целомудренной девицы, в объятиях Сашеньки, пыл между нами только разгорался. Так, блаженствуя душой и телом с будущей и бывшей женами, провел время до свадьбы, подготовленной с размахом, как подготавливают венценосному мужу, с участием патриарха, высших чинов церкви и Государственной думы.

В день свадьбы накануне Рождества утром сам патриарх с высшими иерархами церкви провел таинство бракосочетания в Успенском соборе, после в Грановитой палате в присутствии всех государственных мужей началось пиршество, длившееся три дня. Славословию и здравиям не было конца, каждый из выступавших старался превзойти в красноречии других, мы же с Оленькой сидели во главе стола, с благожелательным вниманием выслушивая всех. Развлекали нас и гостей приглашенные скоморохи своими прибаутками и забористыми

песнями, фокусами и представлениями. Привели обученных медведей, они потешали плясками, хождением на передних лапах, другими командами поводыря. Рядом со мной по правую руку сидели моя мама и старший сын. Вначале, после известия о разводе и новой женитьбе, они осуждали меня, Панкрат даже обиделся за мать, но после смирились с происшедшим, приняли добром Оленьку.

В первую свадебную ночь в своей спальне я бережно раздел дрожащую от волнения и страха жену при свете луны, она попросила погасить лампы, постеснялась разоблачаться при ярком освещении. Долго ласкал застывшую в напряжении Оленьку, целовал и гладил ее высокую грудь, нежную кожу, пока она немножко не расслабилась, осторожно вошел в ее тугую плоть, лишил девственности под слабый вскрик новобрачной. Потом, забывшись в блаженстве, отдался своей страсти, почти не слыша стоны юной девицы, только что моими стараниями ставшей женщиной. Очнувшись, услышав тихий плач жены, почувствовал слабое угрызение и жалость, принялся успокаивать ласковыми словами и поцелуями. Когда же она немного отошла и робко ответила на мои ласки, вожделение к плоти супруги вновь проснулось, но я сдержался, не стал тревожить кровоточащую рану. Спустя не очень долгое время Оленька заснула, прижавшись ко мне, я бережно поддерживал ее голову, лежащую на моей руке, пока не заснул сам.

В последующие две ночи не беспокоил жену, только обнимал и целовал, она благодарно отзывалась на сочувствие и умиротворенно, как ребенок, засыпала на моей груди, я же с нежностью смотрел на спящую любимую, все еще не веря своему счастью. После Оленька уже сама дала мне знать о готовности к более откровенным ласкам, прижала мою руку к своей груди. Когда же я вошел в повлажневшее лоно, со стоном обняла крепче и прижала к себе, не отпуская до самого финала соития. Позже еще не раз за ночь сливались в страсти, жена стонала уже от сладости, вся выгибалась в экстазе. Не осталось и тени сомнения в отзывчивости Оленьки к любовным играм, пока еще робким и неумелым, но уже сейчас заметна ее чувственность, пожалуй, не уступит в ней более опытной Сашеньке.

Так что мои опасения в излишней скромности и холодности юной супруги оказались напрасными, она полностью удовлетворила мои плотские желания, не пришлось прибегать к помощи первой жены, как я предполагал. Но и Сашеньку в последующем не оставлял без внимания, когда навещал своих детей, так и жил с двумя женщинами, знающими друг о друге, мне кажется, они даже состязались, кто лучше угодит мне. Со временем жены стали встречаться, связанные взаимным интересом и женским любопытством, а после сдружились, несмотря на более чем двукратную разницу в возрасте. Такому отношению способствовал добрый характер их обеих, уважительность Оленьки к старшей, а у Сашеньки опека над младшей подругой.

Между тем приближалась весна, а с ней война, по донесениям послов и агентов Европа собирала новые силы для ее продолжения, большие, чем в минувшем. Мы тоже не теряли время, по новому закону о призыве в армию сформировали учебные полки из новобранцев, перевели к ним инструкторами ветеранов, выслуживших больше десяти лет. Приступили к производству нового оружия, прошедшего испытания и получившего одобрение от строгой комиссии.

Главной новинкой стали винтовки с унитарным капсульным патроном, казнозарядные пушки, разрывные и шрапнельные снаряды к ним. Они вдвое, а то и втрое увеличили плотность огня по сравнению с обычными кремневыми ружьями, применяемыми в европейских армиях, да и дальность стрельбы заметно прибавилась, также как и точность и кучность попадания. Мне довелось убедиться в достоинствах нового оружия, смотрел за стрельбами на полигоне, сам опробовал винтовки.

В мае 1628 вновь к линии фронта с обеих сторон стали подтягиваться войска, к прошлогодней коалиции добавились армии из Чехии, Венгрии, Испании, в Балтийском море против нас вышли корабли Датско-норвежской унии. К середине мая общая численность войск про-

тивника достигла небывалой для Европы величины – 300-тысяч человек, никогда еще столько не собиралось под флагами одной из противоборствующих сторон. У нас же вдвое меньше, и то треть составили необстрелянные новички, мы их держали во втором эшелоне обороны.

Основной удар неприятеля пришелся на участок фронта под Брестом, так же враг предпринял наступление в направлении Гродно и Галича. Как и в прошлом году сражение начала вражеская артиллерия, принялась утюжить первую линию нашей обороны. Плотность ее огня заметно выросла, противник учел прошлый опыт, добавил дальнобойных пушек. В бой с ними вступили наши канониры, перестрелка между ними шла до самого вечера, закончилась явным преимуществом русской артиллерии как за счет лучшей точности и дальности поражения, так и скорострельности, на один залп противника отвечали двумя, а то и тремя.

На второй день под прикрытием оставшейся артиллерии противник бросил пехотные полки на штурм наших укреплений. Первый натиск стал самым массированным, враг шел сплошным потоком. Наша артиллерия, стрелки в окопах и редутах выкашивали ряд за рядом, но, казалось, им нет края, ценой огромных потерь противник занял первую линию. Оставшиеся в живых русские бойцы отступили на вторую линию, вместе с резервными частями остановили здесь неприятельский вал. После еще нескольких безуспешных атак враг встал на занятой позиции, стал подтягивать резервы и артиллерию.

На следующий день противник продолжил наступление, не жалея жизни своих бойцов, раз за разом бросал их на штурм второй линии, через два дня ожесточенных боев наши полки отошли на третью линию. По предварительным сведениям враг уже потерял треть своего войска, но, по-видимому, готов положить и большие силы, чтобы прорвать нашу оборону и выйти на оперативный простор. На некоторых участках фронта ему это удалось, но развить успех мы ему не дали, заткнули бреши резервными полками. Напряженные схватки длились еще весь июнь, пока враг не выдохся, использовал свои последние подкрепления. И наши ресурсы тоже оказались на пределе истощения, на фронте создалось зыбкое равновесие, казалось, один решительный удар переломит ход битвы в ту или другую сторону. Но сил на него уже ни у кого не осталось, война перешла от активных наступательных действий противника к позиционной борьбе.

Вместе со мной в ставке под Брестом находился наследник, Панкрат зачислен на действительную военную службу, ему уже семнадцать лет. Прикрепили к штабу порученцем, его часто направляли в полевые армии с донесениями и приказами. Я предупредил Гайворонского, начальника своего штаба, не давать Панкрату каких-то послаблений, требовать с него так же, как и с других. Сын сам старался исполнять службу с полной ответственностью за порученные задания, его начальник похвалил за усердие, с риском для жизни доставлял пакеты к командованию на боевые позиции.

Однажды едва не угодил в плен, выскочил прямо на вражескую диверсионную группу. Противник перенял у нас опыт вылазок таких отрядов, скрытно проникающих в тыл неприятеля для нападения на штабы, склады, обозы, подрыва орудий, арсенала, захвата важных пленников из командного состава, а также перехвата донесений, как было с сыном. Панкрат не растерялся, увидев мчащуюся к нему вражескую группу, быстро спешился и открыл огонь из винтовки. Выбил из седла троих, остальные развернулись и умчались прочь.

У сына пробудился талант меткого стрелка, он уже год занимался стрельбой из разного оружия, часто выезжал с бойцами охраны на полигон, так что сейчас навыки скоростной и точной стрельбы помогли ему справиться с неприятельским отрядом. Мне он не стал рассказывать о своем подвиге, узнал только из доклада начальника штаба, на мои расспросы о подробностях схватки отвечал скупой, только по существу. После моего развода с Сашенькой сын замкнулся, его отношение ко мне заметно охладело, но думаю, что это из-за юношеской бескомпромиссности, должно со временем наладиться. Сам я общался с Панкратом доброжелательно, учил

воинским наукам и управлению государством. Уроки мои он выслушивал внимательно, задавал толковые вопросы, задатки у него неплохие.

Вялотекущая война продлилась до глубокой осени, противник еще несколько раз предпринимал наступления на нескольких участках, но уже без прежнего напора и более осторожно, так что особых затруднений в обороне не доставил. После начала проливных дождей обе стороны отвели войска на зимний отдых, для нас этот непростой год обошелся существенными, но не критичными потерями как среди личного состава армии, так и в экономике страны.

В сравнении с подобным ущербом коалиции можно считать войну этого года для нас более успешной, враг не добился решающего перевеса, а потерял втрое больше нашего. По донесениям агентуры среди стран неприятельского лагеря начался разброд, ничем не окупаемые огромные издержки охладили антироссийское настроение части из них, надежды на скорый успех рассеялись нашим упорным сопротивлением. Но главные противники все еще настроены решительно, готовы вести войну до победного конца.

По возвращению домой меня порадовала Оленька, только что родившая дочку, я с крестными провел в Успенском соборе ее крещение, нарекли Татьяной. И мама и дочка вполне здоровы, Оленька уже на ногах, сама кормит грудью, няньки только помогают в уходе за новорожденной. Для юной мамы все внове, с ней ее мать, Серафима Петровна, да и отец, Яков Барятинский, нередко навещает дочь и внучку, она у него первая.

Даже забавно смотреть, как еще молодые дед и баба тетешкаются с внучкой, а юная мама норовит прибрать дочку к себе, прижимает к своей набухшей груди. Я же стараюсь не мешать им, но иногда беру черед на себя, качаю на своих руках сладко пахнущий плод нашей с Оленькой любви. Девочка растет спокойной, почти все время спит, плачет только когда просит грудь или намокла. Приятно смотреть на Оленьку, кормящую дочь, вижу нескрываемое обожание и удивление в ее глазах, ей все еще не верится, что это ее собственный ребенок.

В первый же день после возвращения навестил свою первую семью, пообщался с выросшими детьми, старшей после Панкрата дочери, Аннушке, исполнилось уже пятнадцать лет, еще тянется, но уже видно будущую красавицу, вся в мать. Младшие дочери, Ирина и Оленька, еще в детском возрасте, непоседы, энергия бьет из них ключом, принялись обнимать и тормошить меня. Младшего сына, Сережи, дома нет, побежал к старшему брату, вернувшемуся со мной.

Поиграл с детьми, раздал им подарки, после застолья рассказал о прошедшей войне, а затем уединился с Сашенькой в ее спальне, провел с ней не один час в постельных утехах. В последующие дни и месяцы часто навещал родных, едва ли не через день, пока Оленька сама не предложила жить всем вместе, в одних покоях, прежняя моя семья ее не стеснит. Передал приглашение Сашеньке, она почти без раздумья согласилась, перед Рождеством обе мои семьи собралась в теремном дворце.

Порадовали ученые-химики и производственники, наконец-то запустили промышленные установки для синтеза фосгена, теперь стала задача безопасного хранения и боевого применения химического оружия. Наряду с его использованием на поле боя вновь продумываю диверсии на территории врага, первый, не совсем удачный, опыт не обескуражил меня, ищу возможности лучшего применения. Главная задача нового оружия остается прежней, остановить войну, запугать противника, если это не удастся, то лишь тогда пустить его в дело, уничтожить живую силу неприятеля, причем с максимальным результатом.

Насколько я помню из прежней истории, в первой мировой войне особой пользы от отравляющих веществ не было, слишком много факторов, снижающих его эффективность, даже делающим опасным для своего войска. Надо постараться их учесть и не допустить вредных для себя последствий, случайного отравления персонала и армии. Кроме того, уже сейчас

надо заняться средствами защиты, вполне вероятно, что в скором времени противник переймет новое оружие и применит против нас.

О противогазе речь вести преждевременно, пока нет резины и прорезиненной ткани, но освоение маски-респиратора со сменным угольным фильтром вполне возможно, даже тканевые повязки, которыми пользуются рабочие на химическом заводе, способны отчасти предотвратить отравление через органы дыхания. Для защиты кожи можно взять за образец хорошо знакомый в прошлой жизни ОЗК, плащ с чулками и перчатками, пропитанный водоотталкивающим материалом – раствором древесной смолы или парафина в скипидаре. Продумал все детали защитных средств, передал руководству завода для их проработки и испытания, именно в производстве опасного вещества они нужны в первую очередь. После освоим массовое изготовление на отдельном предприятии уже для нужд армии и населения.

Идущая уже два года война с Европой не помешала продвижению принятых ранее проектов, напротив, некоторые из них даже ускорились. Появились новые заводы и производства, специальные станки и другое оборудование для обработки металла, заказываемые раньше за границей необходимые товары и изделия стали изготавливать в своих мастерских и предприятиях. Объемы торговли с Европой упали многократно, со странами, воюющими против нас, торговые связи практически оборвались. Сложившаяся ситуация нанесла нашей промышленности в первый год немалый урон, из-за отсутствия необходимых деталей и материалов почти прекратилось производство многих важных объектов, тех же судов.

Верфи встали без нужной древесины особых сортов, парусного вооружения, навигационного оборудования, раньше мы их заказывали в Голландии и Англии. Замена своими материалами и изделиями шла туго, их качество намного уступало иноземным, но постепенно доводили до приемлемого уровня. Много средств и сил направили на строительство дорог и мостов, особенно нужных для обслуживания фронта. На основных трактах вымостили камнем сотни верст, на других дорогах обустроили щебеночное и гравийное покрытие, обработанное битумом или уплотненное катком. Заменяли десятки деревянных мостов на каменные с защищенными от ледохода опорами.

Все это способствовало улучшению поставок боеприпасов, провианта, другого снаряжения, сокращению их сроков, особенно в распутицу. Построили на трактах перевалочные базы и склады, через каждые 20 верст поставили ямские посты со сменными экипажами. Предприимчивые селяне тут же стали строить рядом с ними придорожные трактиры, более зажиточные возводили уже постоянные дворы. Проезжего люда хватало, так что дело с подобным сервисом разрасталось к общему удовлетворению обеих сторон. С годами здесь образовывались новые поселения и города, край рос, богател людьми и достатком.

Ситуация в стране пока благоприятная несмотря на огромные военные затраты, люди еще не чувствуют нужду, на торгах и ярмарках изобилие товаров и продуктов. Правда, намного меньше стало иноземных, но они уже восполняются своим, кустари и артели быстро среагировали на появившийся спрос. Убыль народа из-за боевых потерь многократно перекрывается переселенцами с запада, в пору затишья они всякими путями переходят на нашу сторону.

На землях Речи Посполитой, Венгрии, других граничащих стран люди голодают, нужда и лишения гонят их к нам. Наша пограничная служба принимает пришлых в специально обустроенных лагерях с разбором, кого-то отправляет восвояси, лихих и беспутных нам не надо. Сразу предупредили о своих порядках, если кому не по нраву, могут повернуть обратно. Таким образом приняли за два последних года около полумиллиона человек, мы их не оставили в здешних землях, отправили как и ссыльных в Сибирь, другие осваиваемые края.

Глава 3

В начале декабря издал указ о введении в Русском царстве нового летосчисления, от Рождества Христова, а не Сотворения Мира, считать началом года 1 января вместо прежнего в сентябре. Кроме того, в том же указе установил особые праздничные дни, их следует проводить в веселье и отдыхе, самым первым назвал Новый год. Встретить его потребовал салютом и фейерверком из артиллерийских орудий ровно в полночь во всех гарнизонах на потеху местному люду, коему надлежит не спать, а праздновать щедрым застольем и питием, гуляниями и хорождением у елки. Обязал государственных мужей в городах и селениях поставить на главной площади большие ели, украсить их красивыми поделками, лентами и игрушками на забаву детям. Для населения указал доставить из лесу елочки поменьше, раздать всем охочим бесплатно с объяснением пользования ими, а потом проследить, старательных поощрить премией. Празднование велел считать государственным делом, за ненадлежащее исполнение на виновных служащих будут наложены строгие взыскания вплоть до опалы.

Указ многие восприняли с недоразумением, как же так, идет война с грозным врагом, наступают не лучшие для страны времена, а царь чудит с переменами, устраивает праздники, можно сравнить с пиром во время чумы. Даже ближайшие соратники, Семен Головин и Яков Барятинский, задали мне подобный вопрос, когда я обсуждал с ними нововведение. Попытался объяснить друзьям:

– Нельзя вечно народу жить в напряжении, когда-нибудь, но неизбежно, наступит надлом, начнется смута и недовольство властью. Лучше уж сейчас, пока еще тяготы войны не столь ощутимы, дать ему отдушину, оказать знак внимания и заботы о нем, тогда в самую трудную пору поддержит сердцем родную власть, встанет за нее на смертный бой.

Не знаю, убедил ли я их, но принялись за введение указа со всем старанием, разослали не только грамоты с ним по губерниям и уездам, но и направили своих доверенных людей проследить за его исполнением. За ними и другие мужи в Государственной думе принялись за важное дело, на совещании мы распределили между ними обязанности, меры контроля и ответственности.

Московские власти, выполняя указ, поставили высокую ель на Красной площади, нарядили цветными лентами, разукрашенными игрушками, там же стали раздавать с возов маленькие елочки. Прохожие из любопытства брали в руки срубленные под корень деревца, вопрошали у возниц о диковинке, что с ней делать, а потом озадаченные, но довольные уносили зеленых красавиц домой. В Кремль их также привезли, мне в покои доставил раскидистую с густым лапником ель сам губернатор, Ардашев. Поставили ее в горнице, мои жены с детьми принялись наряжать заранее приготовленными украшениями, я им показал вначале, как следует. Густой смолистый запах, сам вид лесной красавицы внес праздничный настрой в доме, дети – и старшие и младшие встали кругом, любуясь ею. Повел их в хороводе, взяв за руки младших дочек, спел понравившиеся всем песни о елочке, они потом весь день повторяли, водя круг перед ней. И жены и дети остались довольны нововведенной забавой, столько радости и смеха еще у нас не было.

Сам праздник удался на славу, без особых промашек и несуразиц, хотя для всех стал диковинкой. В канун его на площадях города устроили праздничные ярмарки, скоморошья представления и потешные состязания. По улицам разъезжались украшенные лентами и колокольчиками тройки с дедом Морозом и Снегурочкой, они раздаривали гуляющим медовые конфеты и пряники, расписные игрушки. Народу вокруг зрелищ было невпроворот, шум, крики, смех раздавались повсюду. Не обошлось без кулачных разборок, немало людей вышло на улицу приняв горячительного. Но их быстро усмиряла дежурившая полиция, увозила в ближайший околоток с подготовленными для такого случая отрезвляющими камерами. Ровно

в полночь дали салют орудия на Боровицком и Ваганьковском холмах, Трехгорке, темное небо осветилось разноцветными огнями под восторженные крики собравшейся публики. Почти до самого утра шли гуляния охмелевшего народа, в эту ночь работали все трактиры и кабаки.

У себя дома мы встретили Новый год богатым застольем, я раздал всем подарки, детям провел хоровод вокруг елки, вручил призы им за песни и новогодние стишки. С нами за столом посидела до полуночи моя мама, смирившаяся с двоеженством сына и поладившая с Оленькой после рождения внучки. В полночь мы все вместе вышли на свежий воздух полюбоваться салютом, криков и восторгов от малышей было предостаточно. После с трудом уgomонили их и уложили спать, сами еще долго сидели в горнице, пели задушевные песни, а после с Оленькой и Сашенькой пошел в спальню. Жены сговорились между собой и предложили провести ночь вместе, я же не стал противиться, постарался убажить в постели обеих. Усердным трудом справился с задачей, под утро уснул сладким сном, обняв прильнувших ко мне подруг. Днем съездил с Оленькой к ее родителям, поздравил их, вручил подарки, а после хорошо посидел за столом в теплом кругу. Праздник для меня выдался приятным, думаю, и у других осталось подобное чувство, так что не напрасно приложил усилия с его введением.

После Рождества отправился с семьей в загородный дворец Измайлово, провел здесь почти месяц. Почти каждый день с детьми и женами выезжал в поле, катались на санях, коньках, ходили на лыжах, игрались в снежки, радости всем было вдоволь. Выезжал несколько раз с сыновьями на охоту, взяли зайцев, косулю, пару кабанов, выгнанных загонщиками на нас. Лучшим стрелком оказался Панкрат, половина добычи за ним, Сереже из-за малого возраста – ему нет и двенадцати, обращаться с винтовкой еще несподручно, – повезло меньше, но одного зайца все же подбил. Охотничий азарт захватил и его, радовался своей удаче больше других, дома взахлеб рассказывал женской половине о приключениях на охоте, немного приукрашивая. Вечерами сидели за столом, ведя неспешные разговоры, нередко я пересказывал из своей памяти всякие истории – сказки, смешные рассказы, былины. У меня пробудился талант сказителя, говорил в лицах, менял интонации, делал паузы в драматичных местах. Видел общее увлечение моим рассказом – широко раскрытые глаза, затаившееся дыхание, нетерпеливые движения, когда я останавливал речь. Ночи проводил в любовных забавах с женами, уже поочередно, на совместные оргии они уже не решались.

По возвращении домой принялся за службу, вызвал на совещание Государственную думу, руководство Министерства обороны и Генерального штаба, Управления разведки. Выслушал их отчеты и доклады, среди них обнадеживающие вести о раздоре в стане противника. В своем докладе Грамотин дал такой расклад:

– Наши послы сообщают, что в половине стран коалиции не хотят продолжать войну, среди них зачинатели – Голландия и Франция, в последней возобновились внутренние тяжбы из-за престола. Поставленный королем после смерти Людовика XIII Александр де Вандом попытался устранить Ришелье, стоявшего на его пути к абсолютной власти, сам погиб при странных обстоятельствах, сейчас на трон претендуют другие сыновья прежнего короля, Генриха IV. Наиболее упорны в намерении дальше вести войну правители Англии и Габсбургской монархии, с ними король Речи Посполитой Сигизмунд III. Монархи некоторых из граничных с нами государств уже делали намеки нашим послам о сепаратном мире, не хотят больше отправлять на убой своих подданных.

Сведения министра иностранных дел подтвердил Башмаков, глава Управления разведки, его тайные агенты донесли такую же информацию. Велел Грамотину поддержать поиски мира со стороны Венгрии, Силезии, Моравии, Трансильвании, дать указание послам в других странах коалиции, склонных к миру, известить их монархов о нашей согласии в прекращении боевых действий против их армий. Но тут же предупредил своих помощников, расслабляться не стоит, надо держать порох сухим, слепой веры ни к кому не должно быть. Обсудили в свете нового расклада с противником планы на будущую военную кампанию, другие проекты, особо

оговорили замещение импорта самых нужных изделий и материалов собственным производством. Даже при заключении мира вряд ли стоит рассчитывать на скорое восстановление разорванных торговых связей с Европой, более вероятно, что она примется шантажировать нас бойкотом поставок важной продукции. Постановили ускорить строительство заводов и фабрик, развивать предпринимательство частных ремесленников, разведать и освоить новые месторождения на Урале, в Сибири, проложить к ним дороги.

После совета задержал Судоплатова решать с предстоящими диверсиями. Я уже ранее дал ему задание проработать операцию широкомасштабного применения отравляющего вещества на территории главных противников, теперь ввел коррективы по новым обстоятельствам, основной удар наносится на туманный Альбион, Австрию, Речь Посполитую и Францию. Прежнее намерение запугать врага сменил на безусловный вывод его из строя, велел провести акцию не только против высших чинов этих государств, но и воинских частей, в лагерях и зимних квартирах, пояснил Судоплатову:

– Нужно нанести максимальный ущерб живой силе противника. Иного пути снять угрозу для своей страны не вижу, неприятель признает лишь реальную силу, явную для него. После же наглядной демонстрации нашего оружия противник не раз подумает, прежде чем открыто пойти на нас. Конечно, вражда между нами не утихнет, перейдет в скрытную форму, но все же не с такими потерями и жертвами, как прежде.

С началом операции не стали откладывать, уже в феврале наши диверсионные группы отправились выполнять свои задания. В начале апреля пришли первые вести о проведенных акциях – массовая смерть людей от неизвестной напасти, ужас, охвативший всех не только в странах, ставших жертвами нашего оружия, но и в соседних. Ситуация в них складывалась примерно такой же, как и четыре года назад во время пришествия чумы, люди бежали от смерти в другие земли и страны, на границе их останавливали, но они прорывались, несмотря на открываемый огонь пограничников и гибель своих попутчиков. Положение осложнило заражение от разлагающихся трупов, некому их стало убирать. Разносили заразу хищники-трупоеды, кровососущие насекомые, грызуны, пошла новая волна жертв уже от эпидемии черной оспы, многократно превысивших начальные, от отравления. Мы вольно или невольно оказались виновниками смерти сотен тысяч человек по всей Европе, вспыхнувшая эпидемия перекинулась и на нашу территорию.

Особенно пострадали страны в эпицентре заражения – Франция и Австрия, там обезлюдели целые провинции, в Англии жертв было не меньше, чем в прошлой эпидемии чумы. В Речи Посполитой обошлось меньшими потерями среди рассеявшегося из-за войны двух последних лет населения, особенно близ границы с нами. Но волна беженцев, а с ними и эпидемия, дошла и до нас, при первой вести о ней предприняли профилактические меры, как и в прошлой, с чумой. Поставили вдоль границы фильтрационные лагеря с дезинфекционными палатками, весь персонал обеспечили средствами защиты, уже выпускаемыми нами в промышленных объемах, сжигали трупы умерших в спешно выстроенных кремационных печах. Принятыми мерами свели до минимума заражение и смерть от инфекции как персонала и местного населения, так и принятых беженцев, после двухнедельного карантина отправляли их по маршруту прежних переселенцев – в Сибирь и Дикое поле. Так что беда на западе обернулась нам нежданной прибылью народа в сотню тысячу человек.

В этом, 1629 году, боевые действия на фронте со стороны противника не возобновились, напротив, часть войска из стран, вышедших из войны, покинула его. Мы немедленно продвинулись вперед до первоначальных рубежей, принялись за восстановление оборонительных укреплений. Оставшиеся войска неприятеля отошли на свою территорию почти без сопротивления, мои командующие даже предложили продолжить наступление, окружить и разгромить ослабленного врага. Но я отказал им, подобная операция в стратегическом плане, кроме лишних жертв, особого значения не имеет, противник и так понес потери, практически делаю-

щим невозможным дальнейшее ведение войны. Наше наступление вынудит его мобилизовать последние резервы и вновь продолжится война без каких-либо реальных перспектив. На фронт в этом году я не выезжал, назначил командующим Михаила Трубецкого. Он успешно выполнил поставленную задачу, наши войска почти без потерь вышли на прежнюю границу и укрепились здесь. Операцию провели без мобилизации дополнительного войска, обошлись регулярными частями, стоявшими на позициях с прошлого года.

Сам же я решил отправиться в поездку по стране, пока позволяют сложившиеся обстоятельства, посчитал нужным своими глазами убедиться в ходе идущих преобразований, особенно в дальних краях. Наметил маршрут вначале на юг, в Дикую степь и Крым, а затем на Урал и в Сибирь. Он займет немало времени, до самой зимы, но эти земли стоят внимания, их освоение даст стране огромные возможности и новые силы. Сопровождение в поездке ограничил до самого минимума, взял с собой только несколько чинов из Думы, своих помощников и охрану. Выехали из Москвы в начале мая на конях налегке без какого-либо обоза, с минимальными снаряжением и припасами, как в боевом походе. Путь наш лежал по знакомому мне Муравскому тракту через Калугу, Орел и Белгород, дальше через степь к Азову и Перекопу. За минувшие больше чем десять лет на этом пути появились новые города и поселения, которые я намерен непременно посетить, посмотреть, как обжились тут переселенцы, освоили земли, построили предприятия.

В старых городах я почти не задерживался, встречался с городскими властями без торжественных приемов и обедов, осматривал с ними самые важные объекты и отправлялся дальше. Больше времени ушло на новые города – Харьков, Краматорск, Донецк, Мариуполь, Мелитополь, большие и малые поселения. Объезжал с губернатором, уездными и градоначальниками окрестности, встречался с переселенцами, осматривал построенные заводы и рудники. Все увиденное впечатляло, в голой степи возникли за не такое уж большое время многочисленные дома, другие строения, не уступающие в размерах или удобствах подобным в старых землях. Немалая часть степи распахана, на полях уже взошли всходы будущего богатого урожая. Заводов и других промышленных предприятий еще мало, но в планах они есть, особенно в Донецком бассейне, Запорожье и Кривом Роге, там открыты и осваиваются новые месторождения.

После проехали через Перекоп в Крым, кроме известных ранее городов побывал в новых – Раздольном, Джанкое, Нижнегорском, Белогорске. Заселен полуостров более плотно, чем в Дикой степи, даже в своей степной части, почти весь занят полями и садами. Хлебом и другими продуктами обеспечен полностью из своего урожая. Перебрались через Крымские горы на южное побережье, проехали от Севастополя до Керчи, богатый край с пышной зеленью порадовал своей красотой и изобилием, трудиться и отдыхать здесь одно удовольствие, отличная курортная зона. Провели верфи в Севастополе, Феодосии, Керчи, в них полным ходом идет строительство новых парусных и парусно-гребных судов, временные трудности с поставками иноземных материалов преодолели отечественными аналогами без особой потери качества. В портах большинство кораблей своего производства, трофейные османские доживают свой век, да и устарели они давно, используются только в каботажном плавании, в прибрежных водах.

Набрал силу на Черном море наш военный флот. Уступая в численности в два раза пока еще доминирующей османской армаде, он превосходил в огневой мощи и маневренности, да и мастерство наших экипажей за эти годы выросло существенно. В нечастых стычках, как правило, преимущество оказывалось на нашей стороне, османы стали избегать встреч с нашими кораблями, особенно наводили страх на них линкоры и фрегаты. Сами наши моряки в бой не ввязывались, походы к вражеским берегам не устраивали, но свою зону от Аккермана до Крыма стерегли внимательно в постоянном патрулировании. Безопасность плавания у наших берегов и немалые богатства в приморских городах привлекли к нам заморских куп-

цов со всех концов черноморья, да и с османами мы не чурались торговать, нередко их торговые суда можно было встретить в наших портах. Русские купцы тоже ходили в османские порты Румелии и Анатолии, по обоюдному согласию прежний противник их не беспокоил, да и наши военные корабли сопровождали караваны.

После Крыма мы направились на Урал, путь занял больше месяца, но прошел без особых хлопот, ни погода, ни дорога трудностей не составили. Шли частью на конях, а больше на речных судах – ладьях, загрузив на них наших коней. Вначале на каботажном судне прошли через Керченский пролив в Азовское море, на второй день прибыли в Азов. Дальше по Дону и только что выстроенному Волго-Донскому каналу вышли к Царицыну, оттуда поднялись до Казани. Свернули с Волги на Каму, по ней добрались к Перми, здесь уже на конях доехали до первого на нашем пути уральского поселения – Верхнему Туру, а оттуда в крупный промышленный центр – Нижний Тагил. На Урале проехали по казенным рудникам и заводам, спускался в шахты, посмотрел условия жизни и труда рабочих, содержания ссыльных из западных губерний. Южный и средний Урал уже обжит достаточно плотно, заводские поселки, села и деревни встречались нам через каждые пять-десять верст, между ними распаханные поля, сенокосные угодья, все обустроено по хозяйски.

В Каменец-Уральском охрана прозевала нападение одного из ссыльных на меня, он с близкого расстояния запустил тяжелый молот прямо в голову. Я чудом успел среагировать и уклониться, стражники накинлись на покушавшегося и скрутили его, увели из цеха в острог. Продолжил обход завода, теперь охрана окружила меня стеной, не давая никому приблизиться без моего дозволения. Больше подобных инцидентов не было, никто не пытался прорваться ко мне, хотя злобных взглядов и тихого ропота от недовольных каторжан хватало. Условия жизни у них действительно невыносимые, я видел в бараках умирающих от голода и непомерного труда людей, смертность среди ссыльных вышла за мыслимые пределы, большинство не выдерживали больше трех лет, умирали или ударялись в бег. Их ловили, клеймили, а потом отправляли в забой на самые трудные работы, без шанса выжить. Я велел улучшить условия содержания заключенных, вдвое увеличить продовольственный паек, не изнурять до физического истощения, за допущенную смерть устраивать дознание и наказывать виновных.

Следующий путь уже шел по Сибирскому тракту, первым делом заехали в Тюменскую землю, осмотрели нефтяные месторождения, перерабатывающие заводы. Добыча нефти и продуктов из нее здесь налажена неплохо, но объемы все же недостаточные, дал указание ведомственному руководству и губернатору изыскать и освоить новые скважины, нефтяные колодцы, строить еще заводы. Перебрались через Тобол по выстроенному каменному мосту, в Тобольске встретился с руководством края, сибирского казачества, объехал ближайшие земли, вел речи с поселянами, туземным народом. Проблем с бывшим сибирским ханством еще хватает, потомки Кучума нередко промышляют разбоем, налетают на деревни и хутора. Основная забота с охраной поселений лежит на казаках, они дозором стоят на дорогах и проселках, но кочевники умудряются просочиться сквозь заслоны, стремительно налетают на мирных жителей и тут же скрываются.

Война с ними представляет едва ли не главную проблему для местного руководства, просят усилить охрану регулярными частями. Мирно же договориться с коварным врагом невозможно, он тут же продолжает свой разбой, ловить же бесполезно, всем стойбищем уходят в бескрайнюю тайгу. Правда, и польза от них немалая, львиную долю пушнины, основного нашего товара в торговле с Китаем, приносят их охотники, в обмен берут продукты, домашние предметы, ножи, топоры и прочий инструмент. Продавать оружие им наши власти запретили, но они своими луками мало уступают казакам в стычках, после быстрого обстрела скрываются в таежной чаще, где из-за каждого дерева следует ожидать внезапно вылетевшей стрелы. Постепенно казаки приноровились к тактике кочевников, на самых опасных участках поставили пикеты и заставы, устраивали засады, формировали малые разведывательные

и поисковые группы, ударные отряды, постепенно все более успешно справлялись с набегами кочевников. Я разрешил вдвое увеличить численность казачьего войска из охочих служивых, но отказал в привлечении регулярных частей, особой пользы они не внесут, только лишние потери.

Дальше мы заехали на открытые месторождения в Каинске, Енисейске, Ачинске, Иркутске, Забайкалье, золотые прииски под Томском, в Минусинске и Нерчинске. Для их разработки открыты десятки заводов и рудников, продукция идет как для внутреннего потребления в Сибири, так и в центральную часть страны, а также в Китай, от металлов до готовых изделий. Со строительством тракта и дорог вывоз ценного материала возрос намного, но все равно потенциал богатого края используется лишь на малую часть, надо строить новые заводы и дороги, привлечь много народа. Об этом и других перспективах края я обсуждал с губернаторами и местным руководством в городах на пути своего следования. Сибирь должна стать основным добытчиком страны и эту задачу всем нам нужно выполнять неустанно, я со своей стороны пообещал приложить все усилия к ее решению. Закончил свою поездку в Нерчинске, крайнем пункте сибирского тракта, дальше мало освоенный Дальний Восток, там только идет разведка земли первопроходцами, строятся первые поселения, все у него еще в будущем.

Обратный путь занял почти три месяца, уже зарядили осенние дожди, а затем снег, но мы шли без долгих задержек. Выручала хорошо обустроенная дорога по тракту, не вязли в грязи в наступившей распутице. Ежедневно проходили по сорок верст, останавливались в ямских дворах, в городах не задерживались, только лишь на встречи с градоначальниками и делегациями от местного населения. Уже на Волге нас застала настоящая зима, с морозами, снегопадами и буранами, пережидали ненастье в постоялых дворах и шли дальше. Дошли до Москвы в конце декабря, за неделю до Нового года, замерзшие до костей, усталые, но я не тужил, большая поездка сослужила мне немалую пользу. Я воочию увидел достигнутое нами неустанными трудами за многие годы, почувствовал душой необъятные просторы родной страны, свой народ. Мне стали очевидными наши перспективы и следующие преобразования, лишний раз убедился в народной мудрости – лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И эти перспективы представляются мне вполне достижимыми, несмотря на невзгоды и войны, происки недругов.

Глава 4

Встреча дома вышла горячей некуда, даже больше, чем после боевых походов. Слезы счастья и объятия жен, они долго не могли оторваться от меня, грязного, заросшего, пропахшего дымом, своим и конским потом, с облупившейся на лице от мороза кожей. Дети тоже лезли под руку, особенно девочки, напрашиваясь на ласки. Малышка Танюшка не признала меня, заплакала, когда Оленька передала ее мне, тут же потянулась к матери. Когда я позже увидел себя в зеркале, сам поразился своему отражению, далеко не царственному, настоящий бомж, только глаза блестят от радости. Сразу после первых объятий и поцелуев направился в мыльную приводить себя в подобающий вид, долго отмокал в горячей воде, не раз менял воду, пока вся грязь не ушла. После вызванный срочно придворный цирюльник немало времени провозился с моими космами, убрал отросшую бороду, подправил усы, облагородил прическу.

Вышел к накрытому столу в горнице посвежевшим, в чистой одежде, сразу почувствовал привычный уют, давно забытый в походной обстановке. Мне дали спокойно поесть, после раздал приготовленные подарки, женам я передал выделанные шкурки черного соболя, хватит им на шубу и воротник, по довольному их виду понятно, что угодил. Пришедшей в гости маме подарил горностаю и теплую шаль из козьей шерсти, она расцвела от удовольствия, обняла меня, хотя с детства не баловала особыми ласками. Наверное, сказывается возраст, ей уже шестьдесят с гаком, размягчилась, особенно с детьми, да и со снохами уже не столь строга. Долго рассказывал домочадцам о своем путешествии, своих впечатлениях, смешных случаях, происшедшими со мной или спутниками, они слушали меня, затаив дыхание, словно увлекательную историю. Да и я преподносил свой рассказ как по писанному, в привычной уже между нами манере, умалчивая о неприятных встречах и столкновениях.

Вечером, прознав о моем возвращении, пришли навестить Семен Головин и Яков Барятинский, после застолья я уединился с ними в своем кабинете. Рассказал им об основных впечатлениях и принятых решениях в ходе поездки, они в свою очередь поведали о происшедшем в мое отсутствие. Ничего особого за это время не случилось, все шло в установленном русле. Боевые действия на фронте практически прекратились, ни наши войска, ни неприятеля, не пытались изменить сложившееся положение, каждая из сторон оставалась на занятых позициях. В самой Европе полный раздрай по отношению к продолжению войны с нами. Из-за проведенных диверсий и последующей эпидемии выбыли из строя наши главные противники, им теперь не до нас, своих забот предостаточно. Во Франции, наконец, наша диверсия достигла успеха, погибли Ришелье и главные претенденты на королевский трон, подобная ситуация сложилась в Англии и Австрии, уничтожены их монархи – Карл I и Фердинанд II, между политическими группировками этих стран идет ожесточенная схватка за престол.

Наше участие в случившихся бедах не доказано, но версия о карающей руке Москвы стала расхожей в европейских столицах, судя по изменившемуся отношению к нашим послам, стало больше подобрастия и страха, но и ненависти также, даже среди тех, кто готов был заключить с нами мир. Мы для них стали монстрами, которых надо опасаться и избегать, но дружить с ними невозможно. Такая негативная реакция задела меня, но ее уже не исправить, мы на дружбу ни к кому не напрашиваемся, да и не может быть в политике друзей, есть временные союзники, пока в них есть нужда. Ни одна из стран Европы не обратилась к нам с предложением о возобновлении торговых и других связей, что потревожило меня больше. Каждой из них нужно развивать свою экономику, искать рынки сбыта, в этом плане огромная Россия представляет несомненный интерес, также как и нам выгодна торговля своей продукцией на европейском рынке. Можно считать, противник перешел от горячей войны к бойкоту России, все участники коалиции проявили единодушие в таком решении.

Коль Европа не хочет торговать с нами, будем искать других партнеров, с той же Османской империей, Персией или Китаем, об этом я высказал своим друзьям-соратникам. Они оба удивленно посмотрели на меня, переглянулись, а потом Семен выразил их общее недоумение:

– Миша, с Персией еще понятно, страна богатая, мы уже издавна привозим оттуда немало ценного, тот же шелк или ковры. Но с Портой у нас до сих пор еще война, даже если нет сражений. А что взять с нищего Китая, ведь он дышит на ладан, маньчжуры уже подмяли его под себя!

Разъясняю сложившееся после поездки мнение, раньше я считал также, как и мои друзья:

– Не совсем так, Семен, с османами хотя еще у нас война, но их купцы уже торгуют у нас, да и наши у них. Мы не трогают их, они также. Теперь надо взять в свои руки нужное дело, если понадобится заключить мир со своим извечным недругом, то пойдем на это, для нас сейчас торговля с ним выгодна, коль Европа не хочет связываться с нами. Китай же не столь разорен, как кажется, богатства в нем хватит не только на наш век. А с маньчжурами мы решим, не добром, так войной, не помешают нам, да и наступают в стране другие времена, восточный дракон еще покажет себя. С Персией тоже надо менять, не только везти от них, но и самим предлагать, у нас найдется многое, нужное персам.

Возможно, я их не совсем убедил, но они уже привыкли доверять мне, пусть пока на слово, приняли мое решение как безусловное указание, стали уже обсуждать практическое его исполнение. Через два дня после возвращения собрал Государственную думу, после своего доклада об итогах поездки по стране и отчета министров выдвинул им задачу подготовки к новым экономическим отношениям, сближению с азиатскими странами, Ближним и Дальним Востоком, поздравил с Новым годом и отпустил на Рождественские каникулы. Как и прошлый, нынешний, 1630 год, встретили салютом, елкой, Дедом Морозом и Снегурочкой, гуляниями и новогодними ярмарками. Народу понравился новый праздник, в его канун было не протолкнуться на улице, а в полночь все высыпали из домов и хором любоваться фейерверком. Мы тоже при первых залпах орудий поднялись из-за стола в терем на третьем ярусе, вышли на смотровую площадку – гульбище, отсюда как на ладони видны во всей красоте сполохи цветных огней, вылетающих из-за Боровицкого холма.

Артиллеристы не пожалели зарядов, дали тридцать залпов, а не двадцать, как в прошлом году, через каждые полминуты, за время салюта успели замерзнуть – вышли одетыми налегке, пришлось зайти в терем и смотреть уже из окна. После всей семьей, вместе с детьми, сошли вниз во двор, проводили матушку до ее хором, сами еще погуляли по Кремлю среди немалого числа таких же полуночников, уже издали кланяющихся нам. Смотрели при свете фонарей представление скоморохов, ряженных в разных чудищ, Деда Мороза, своим волшебных посохом изгоняющим нечисть. Вернулись в свои покои, уложили детей спать, после недолгих посиделок направились в спальню предаваться постельных утехам, заснули уже под утро. В последующие дни ходили в гости и сами принимали друзей и родных, в Рождество после службы в Успенском соборе провел в Передней палате праздничный прием чинов Государственной думы и Московской Управы, а после убыл с семьей на отдых в Измайлово до самой Масленицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.